

УДК 1/14

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-182-187

**СООТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ САМОРЕФЛЕКСИВНОСТИ ДИСКУРСА****THE INTERRELATION OF PHILOSOPHY AND LITERATURE: THE FORMATION
OF THE SEVEN REFLECTIVE DISCOURSE****Д.К. Манохин**
D.K. ManokhinБелгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod state national research university, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: manokhin@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения философии и художественной литературы. Автор отмечает, что артикуляция данной проблемы как фундаментальной в составе каждого из названных дискурсов приводит к формированию саморефлексивности и дискурсным трансформациям.

Abstract

This article is devoted to the problem of the correlation of the philosophy and fiction. The author notes that the articulation of that problem as a fundamental one in the structure of each named discourse leads to the formation of self-reflection and discourse's transformations.

Ключевые слова: философия, художественная литература, дискурс.**Key words:** philosophy, fiction, discourse.

Специфика корреляции философии и литературы не может быть дана априори, так как на современном этапе развития культуры взаимодействие философского и художественного дискурсов реализуется в различных формах/вариантах, типологию которых мы и хотели бы представить. Данная типология является результатом обобщения достаточно обширного (в исследовании приводятся лишь отдельные примеры) эмпирического материала (авторских текстов) на основании следующего критерия/структуры: субъект дискурса (философ/писатель), форма дискурса (философский/художественный), цель дискурса. В случае выявления дополнительных условий для прояснения цели высказывания и смысла того или иного варианта соотношения философии и литературы в качестве элементов указанной структуры могут быть артикулированы объект и предмет дискурса.

Вариант А: один и тот же субъект (философ/писатель) является субъектом философского и литературного дискурсов, то есть выполняет две роли – писателя и философа, но не объединяет их в композиции одного текста.

С одной стороны, отмеченная структура характерна для творчества профессиональных *философов*. Так, Ж.-П. Сартр выступает в качестве автора философских трактатов, а также романов и пьес. Целью перехода от философского рассуждения к литературному тексту может быть трансляция философских идей широкой (профанной) аудитории. Однако эта трактовка должна быть, на наш взгляд, дополнена иными мотивациями, во многом основанными на заявлениях самого французского философа и писателя. Одной из таких мотиваций является использование художественного дискурса вследствие экзистен-

циального пафоса мысли Сартра, так как природа феноменов, изучаемых экзистенциальной философией, требует их «дополнительной» литературной экспликации. Также представляет важность сартровское понимание прагматингвистической специфики литературного произведения, представленное в его работе «Что такое литература?» [14]. В этом отношении Сартра привлекает прозаическая форма художественного текста (слово=знак, обозначающий понятие/предмет), отличающаяся, по его мнению, от поэзии (слово=образ одного из аспектов мира) своей перформативной силой: «Проза утилитарна по своей сути <...> писать – значит действовать» [14, с.321,330]. Иными словами, при помощи литературного письма можно обозначить смысл экзистенциальной ситуации и, транслировав его аудитории, изменить саму эту ситуацию. Подобная интерпретация придается Сартром (особенно в поздний период) и актам философской рефлексии, что вызывает критические замечания мыслителя, особенности творчества которого также позволяют говорить о нем при рассмотрении указанного варианта соотношения философии и литературы. Мы имеем в виду А.М. Пятигорского, автора философских работ, а также художественной прозы. Концептуальные возражения Пятигорского в отношении позиции Сартра (а также Маркузе, Лукача, Кожева) заключаются в том, что «неотрефлексированное мышление <...> современного философа стремится <...> к автоматическому переносу <...> результатов и формулировок [«философии сознания» - Д.М.] в мир не-философствования [«культура», «история» - Д.М.] в порядке <...> применения или практики» [11, с.210]. Однако «<...> результаты и формулировки философии сознания должны возвращаться из «мира», «истории» <...> для последующего рефлексирования философствующего над своим мышлением о них как о фактах сознания» [11, с.210]. Подобная структура дискурса, обосновывающая его цель – прояснение природы мышления, характерна как для философских, так и для литературных произведений российского философа. Таким образом, Пятигорский использует средства художественного дискурса не столько для трансляции философских идей, сколько для деструкции философии – будь то прояснение специфики ее становления (использование элементов «биографического» жанра [см.: 13]) или смысловых потенций, которые можно артикулировать лишь в рамках литературной формы (например, требующих имитации риторики диалога). Главное в случае Пятигорского, как и Сартра, что художественная литература манифестируется в качестве *рефлексирующего* дискурса, обладающего в отношении философии дополнительными семантико-прагматическими возможностями.

С другой стороны, вариант А характерен для *профессиональных писателей*. В этой связи стоит упомянуть творчество М. Бланшо, который является автором художественных произведений, а также статей и эссе, носящих как философский, так и литературно-критический характер. Показательна также фигура Ж. Батая, прославившего свое имя скандальными романами и не менее радикальными философскими трактатами. Сюда же следует отнести классиков мировой литературы Х.Л. Борхеса и Г. Гессе, влияние которых на современную западноевропейскую *философию*, особенно в ее постструктуралистском варианте, трудно переоценить.

Одной из целей подобной модуляции является стремление дополнить литературные изыскания философской рефлексией над тем же предметом (экзистенциальная ситуация, телесные практики, фундаментальные проблемы современной культуры). Однако примечательно, что чаще всего таким предметом оказывается природа художественного текста, так как ранее перечисленные писатели представляют *авангардные* тенденции литературы, и в силу этих тенденций обязаны переосмысливать опыт всей предшествовавшей культурной традиции. Таким образом, главная цель – это создание «философии» литературы, которая позволит демистифицировать риторико-экзистенциальные основания литературного творчества в квазитеоретическом плане. В своих самых утонченных вариантах реализация проекта «философии» литературы приводит к максимальной радикализации рефлексивных актов и, как следствие, к деконструкции жанровой типологии дискурсивных форм [см.: 2].

В этой связи следует отметить, что теоретическое разделение философского и художественного дискурсов в творчестве авторов, рассмотренных в варианте А, фактически в итоге вызывает необходимость объединения элементов названных дискурсов в композиции одного текста. В.Лапицкий так пишет об одном из последних художественных произведений М. Бланшо: «книга <...> поразила своей формой: повествование, описание и комментарий смешались здесь в одно целое, взорвав целостность дискурса» [6, с.171]. Также показательно следующее замечание: «<...> первые отрывки «Ожидания забвения» были опубликованы <...> в чествующем Хайдеггера сборнике *философских* [курсив наш – Д.М]. работ <...>» [6, с.173]. Особую важность представляет то, что в тексте М.Бланшо «Ожидание забвение» [см.: 1] (ввиду литературно-критической ангажированности писателя) происходит объединение не только философского и художественного, но и литературоведческого дискурсов. Релевантен результат этого эксперимента - перманентная саморефлексивность дискурса Бланшо, обусловленная взаимной демистификацией гетерогенных дискурсивных форм.

Таким образом, вариант А корреляции «философия-литература» телеологически детерминирован коммуникативными потребностями и необходимостью прояснения проблем, носящих экзистенциальную окраску, а также проблем метафилософского и металитературного характера. Последнее, что особенно важно для нашего исследования, указывает на квазифилософскую природу художественно-литературного дискурса. Это позволяет говорить о близости (но не о тождественности) структурной организации художественного и философского дискурсов. Более того, сходство заключается и в том, что В. Дильтей в своей книге «Сущность философии» называет «универсальностью» и «неутилитарностью» литературы и философии [см.: 4, с.57-61, 73-75, 99-111]. В этом смысле аналитика варианта А показывает, что философия и литература не имеют *специфического* предмета категориально-понятийной и символически-образной рефлексии, а результатами этой рефлексии являются формы/тексты, которые должны быть вновь переосмыслены, а их природа должна быть поставлена под вопрос (вторичная рефлексия в философии и осмысление фиктивной природы художественного дискурса в литературе).

Вариант В: субъект высказывания – философ, форма высказывания – философский дискурс, объект – художественный текст, предмет – философские потенции художественного дискурса, значимые для парадигмы философствования, характерной для субъекта высказывания. В рамках этого варианта следует упомянуть имена таких философов, как М. Хайдеггер, М.К.Мамардашвили, А.М. Пятигорский.

М. Хайдеггер рассматривает литературные тексты – поэзию немецких романтиков и символистов - с точки зрения онтологии. Поэзия понимается им как способ осмысления бытия в его истории [см.: 16]. В этом случае философская интерпретация художественного текста представляет собой деструкцию указанного ранее процесса и позволяет прояснить основы фундаментальной онтологии.

М.К. Мамардашвили в лекциях «Метафизика Арто» [7] и «Эстетика мышления» [8] демонстрирует другой подход к философскому истолкованию литературных произведений. В контексте исследования проблемы философского мышления Мамардашвили усматривает специфику художественного текста в том, что его риторическая организация детерминирует особую ситуацию понимания, когда читатель, стремящийся конституировать смысл произведения, вынужден прибегнуть к рефлексии над собственными мыслительными актами. Иными словами, через процесс чтения и интерпретации художественного текста мы осознаем особенности своего мышления. Именно в этом смысле каждый писатель имплицитно является философом. Только он не транслирует философские идеи в виде завершённой доктрины/системы, но заставляет читателя размышлять над процессом интерпретации тематизированных в тексте проблем. Тем более, что писатель, по мнению Мамардашвили, создает «литературный текст» как «текст сознания, посредством которого он может видеть» смысл того или иного феномена [8, с.295]. Данную линию истолкования литературных текстов продолжает уже упомянутый нами А.М. Пятигорский. В работах

««Другой» и «свое» как понятия литературной философии» [10] и «Чуть-чуть о философии Владимира Набокова» [12] Пятигорский рассматривает художественные произведения с точки зрения объективации в них того, что он называет «внутренней философией» писателя [12, с.231], интерпретируя ее в рамках собственного проекта – «философии сознания». Таким образом, Пятигорский, как и отмеченные ранее авторы, не претендует на литературоведческое исследование, но, как он сам замечает, рассуждает «о мышлении <...> философствующего, когда тот мыслит о <...> литературном. То есть, когда он, мысля, включает себя в реальный или возможный контекст литературного текста или в ситуацию порождения его автором» [10, с.264].

Таким образом, философы, интерпретирующие художественные тексты с целью дополнить или переосмыслить собственную теорию/систему, указывают на возможность артикуляции в композиции художественного текста не только фиктивно-нарративного, но и рефлексивного компонента. Экспликация рефлексивного компонента литературы может выступить дополнительной по отношению к филологическому подходу. Однако при этом необходима кооперация методов философской и литературоведческой интерпретации, так как результаты первой необходимо соотнести с пониманием фиктивно-риторического статуса литературы. Тогда эта интерпретация приобретет значимость для литературоведения.

Вариант С: «субъект» высказывания – писатель; форма высказывания – художественный дискурс; объект – философский текст; предмет – риторика/стиль философского дискурса, его фундаментальные теоретические постулаты. Вариант С может быть представлен в двух различных модификациях.

Для первой модификации характерно пародирование философского дискурса. Так, В. Ерофеев в своей знаменитой поэме «Москва – Петушки» прибегает к пародированию стилистических и концептуальных особенностей философского дискурса И. Канта [см.: доказательство невозможности познания «вещей в себе» посредством эксперимента с икотой – 5, с.155-157]. Целью здесь является не высмеивание критической философии Канта, но создание трагикомического эффекта, еще более усиливающего амбивалентность художественного высказывания. В этом смысле постулаты Канта интерпретируются как трансформированные формы романтической иронии (впрочем, под вопросом оказывается и данная интерпретация). В качестве распространенного случая пародии можно привести следующий отрывок из романа С. Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена»: « <...> Наблюдая как взвод версальцев, вскинув ружья, целился в обезоруженных коммунаров (это было у стен Пер-Лашеза), я не мог не вспомнить один их афоризмов кенигсбергского старца: «Человек для человека – цель и ничем, кроме цели, быть не должен» [цит. по: 15, с.64]. Цитата из философского текста Канта помещается в исторический контекст, и это сопоставление максимы и факта придает философскому высказыванию коннотацию в стилистике черного юмора. Целью подобной конструкции может быть критика рационалистических конструктов философии в отношении аксиологических универсалий. Это «может быть» весьма примечательно, так как в отношении художественного дискурса затруднительно применение недубитативных формулировок. Рискованной будет также попытка доказать автору литературного произведения его концептуальную ошибку. Ведь субъектом приведенного ранее художественного высказывания, как и любого другого, является не конкретный человек/философ, а литературный персонаж/повествователь; речь в художественном тексте имеет риторический контекст, и целью может быть, отчасти, и стиливая игра. Однако при всей амбивалентности телеологической перспективы подобные литературные эксперименты способны генерировать вопросы, метод постановки и решения которых указывают на метафилософскую позицию. Речь идет, естественно, о случаях прочтения художественных текстов *философом*, а не о том, что писатели будут заниматься анализом философского дискурса.

Вторая модификация варианта С – это имитация дискурсивной формы философского трактата. Как правило, «трактат» представляет собой не законченное произведение,

но элемент романа. В этом смысле показателен «текст» профессора Вана Вина, содержащийся в романе В.В. Набокова «Ада, или Эротиада: Семейная хроника» [см.: 9, с.498-514]. Это трактат, в котором развиваются идеи о природе времени, близкие философии А. Бергсона. В подтверждение «теоретических постулатов» приводятся цитаты (как настоящие, так и стилизованные) из Августина, Ж.-М. Гюйо, С. Александера. Целью введения «философского трактата» в нарратив романа является артикуляция в основном корпусе произведения «метатекста», который репрезентирует смысл темпоральной и топологической структуры «Ады». Подобную функцию выполняет метатекст «Игра в бисер. Опыт общепонятного введения в ее историю» в романе «Игра в бисер» Г. Гессе [см.: 3, с.6-39]. Примечательно, что в нем также используется поддельная цитата, только на сей раз, и имя ее автора – вымысел Гессе (с сохранением возможности интертекстуальной связи – «Альберт Великий»).

Самое примечательное во второй модификации варианта С (помимо инкорпорирования в художественный дискурс металитературного элемента, возможность чего в определенной степени обусловлена философскими интерпретациями художественных произведений) заключается в следующем моменте. В текстах В.В. Набокова и Г. Гессе наблюдается своеобразная градация в отношении имитации дискурсивной формы философского трактата. Если в романе «Ада» маньеризм набоковского письма очевиден и в рамках «метатекста», то Гессе позволяет себе дистанцированные от авторского стиля риторические модуляции. То же касается и цитат. По просьбе Гессе цитату из Альберта Великого, сочиненную самим писателем, переводят на схоластическую латынь его друзья – филологи Шалль и Файнхальс. Наибольшей радикализации подобная техника достигает у писателя, имя которого мы также указывали в варианте А, – Х.Л. Борхеса. Его мистификации затрагивают не только цитаты и имена авторов, но и списки литературы, сноски, словарные статьи в известных энциклопедиях. Философская рефлексия отмеченного риторического акта ввиду пантекстуализма современной культуры неизбежно приводит к проблеме различения аутентичного философского текста и его симулякра, то есть к необходимости метафилософского исследования.

Таким образом, проблемное соотношение философии и литературы, обоснованное частичным совпадением их дискурсивной организации, служит условием взаимообратимой деконструкции названных ранее дискурсивных форм. В ходе выявления особенностей указанного соотношения, что является насущной задачей каждого из типов дискурса, возникает особая композиция.

Дискурс А, подвергающий анализу родственный ему дискурс В, раскрывает дискретность и гетерогенность его формы, что, как правило, приводит к ответному «критическому» выпадку со стороны последнего при параллельной (имплицитной/эксплицитной) тематизации проекта разработки исследования, направленного на прояснение специфики природы собственного дискурса с учетом замечаний «оппонента». Иными словами, главная особенность соотношения философии и литературы заключается не столько в их конфликте или взаимодополнительности (в разных контекстах), сколько в изменении степени и характера рефлексивности дискурса, то есть конституировании когнитивных актов, имеющих саморефлексивную направленность.

Список литературы References

1. Бланшо М. Ожидание забвение. - СПб.: Амфора, 2000. - 175 с.
Blansho M. Ojydaniye zabveniye. - SPb.: Amfora, 2000. - 175 s.
2. Борхес Х.Л. Рассказы. - Ростов – н/Д: Феникс; Харьков: Фолио, 1999. – 416 с.
Borkhes KH. L. Rasskazy. - Rostov-n/D: Feniks; Khar'kov: Folio, 1999. – 416 s.
3. Гессе Г. Игра в бисер. - СПб.: Амфора, 1999. - 543 с.
Gesse G. Igra v biser. - SPb.: Amfora, 1999. - 543 s.
4. Дильтей В. Сущность философии. - М.: Интрада, 2001. - 160 с.

- Dil'tei V. Suscnost' filosofii. - M.: Intrada, 2001. - 160 s.
- 5.Ерофеев В.В. Москва – Петушки // Мой очень жизненный путь / В.В. Ерофеев. - М.: Вагриус, 2003. - С. 119-218.
- Yerofeev V. V. Moskva - Petushki // Moi ochen' jiznennyi put' / V. V. Yerofeev. - M.: Vagrius, 2003. - S. 119-218.
- 6.Лапицкий В. Подобное подобным // Ожидание забвение / М.Бланшо. - СПб.: Амфора, 2000. - С. 169-174.
- Lapickii V. Podobnoye podobnym // Ojydaniye zabveniye / M. Blansho. - SPb.: Amfora, 2000. - S. 169-174.
- 7.Мамардашвили М.К. Метафизика Арто // Театр и его двойник / А. Арто. - СПб.: Симпозиум, 2000. - С. 329-346.
- Mamardashvili M. K. Metafizika Arto // Teatr i yego dvoynik / A. Arto. - SPb.: Simpozium, 2000. - S. 329-346.
- 8.Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. - М.: Московская школа политических исследований, 2001. - 416 с.
- Mamardashvili M. K. Estetika myshleniya. - M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001. - 416 s.
- 9.Набоков В.В. Ада, или Эротиада: Семейная хроника. - М.: АСТ, 2001. - 608 с.
- Nabokov V. V. Ada, ili Erotiada: Semeinaya khronika. - M.: AST, 2001. - 608 s.
- 10.Пятигорский А.М. «Другой» и «свое» как понятия литературной философии // Избранные труды / А.М. Пятигорский. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - С. 264-270.
- Ryatigorskii A. M. «Drugoi» i «svoe» kak ponyatiya literaturnoi filosofii // Izbrannyye trudy / A.M. Ryatigorskii. - M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. - S. 264-270.
- 11.Пятигорский А.М. Заметки об одной из возможных позиций философа // Избранные труды / А.М. Пятигорский. - М.: Школа: «Языки русской культуры», 1996. - С. 207-210.
- Ryatigorskii A. M. Zametki ob odnoi iz vozmojnykh pozicii filosofa // Izbrannyye trudy / A.M. Ryatigorskii. - M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. - S. 207-210.
- 12.Пятигорский А.М. Чуть-чуть о философии Владимира Набокова // Избранные труды / А.М. Пятигорский. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - С. 231-241.
- Ryatigorskii A. M. Chut'-chut' o filosofii Vladimira Nabokova // Izbrannyye trudy / A.M. Ryatigorskii. - M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. - S. 231-241.
- 13.Пятигорский А.М. Философия одного переулка: роман // Избранные труды / А.М. Пятигорский. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - С. 407-498.
- Ryatigorskii A. M. Filosofiya odnogo pereulka: roman // Izbrannyye trudy / A.M. Ryatigorskii. - M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. - S. 407-498.
- 14.Сартр Ж.-П. Что такое литература? // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост. и общ. ред. Г.К. Косикова. - М.: Изд-во МГУ, 1987. - С. 313-334.
- Sartre J.-P. Chto takoye literatura? // Zarubejnaya estetika i teoriya literatury КНИКН-КНКН vv. Traktaty, stat'i, esse / Sost. i obsc. red. G. K. Kosikova. - M.: Izd-vo MGU, 1987. - S. 313-334.
- 15.Фатенков А.Н. Языки философии, литературы и науки в аспекте смысла // Филос. науки. - 2003. - № 9. - С.50-69.
- Fatenkov A. N. Yazyki filosofii, literatury i nauki v aspekte smysla // Filos. nauki. - 2003. - № 9. - S.50-69.
- 16.Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост. и общ. ред. Г.К. Косикова. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. - С. 264-312.
- Khaidegger M. Istok khudojestvennogo tvoreniya // Zarubejnaya estetika i teoriya literatury КНИКН-КНКН vv. Traktaty, stat'i, esse / Sost. i obsc. red. G. K. Kosikova. - M.: Izd-vo MGU, 1987. - S. 264-312.